

© 1993 г. РУЗИН И.Г.

ПРИРОДНЫЕ ЗВУКИ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКА

(Когнитивные стратегии именования)

1

Спектр окружающих человека звуков чрезвычайно широк и разнообразен. Исходя из типов источника звука, можно предложить следующую классификацию:

- 1) звуки неживой природы и артефактов: *скрипит дверь, воет ветер, гремит гром;*
- 2) звуки живой природы:
 - а) млекопитающие: *лает собака, рычит лев;*
 - б) птицы: *каркает ворон, чирикает воробей;*
 - в) прочие: *квакает лягушка, жужжит пчела;*
- 3) звуки, издаваемые человеком: *человек говорит, поет, смеется, стонет, кашляет, мямлит, лепечет, ахает и т.д.*

В данной статье мы рассмотрим лишь фрагмент этой обширной системы, ограничившись описанием того, как обозначаются в языке голоса птиц (группа 2б). Тем не менее анализ этого, казалось бы, частного аспекта позволит выявить ряд закономерностей, имеющих отношение к когнитивным стратегиям именования звучаний в целом. Таким образом, основная задача настоящей работы — показать, как именно человек воспринимает и отображает все многообразие окружающих его звучаний, какие звучания и по какому принципу получают специальное обозначение в языке, какими факторами определяется категоризация и функционирование подобных единиц.

Современная лингвистика располагает несколькими концепциями, могущими служить отправными точками исследования: это — концепция картины мира, и в частности языковой картины мира [1], концепция лексического значения слова в его соотношении с понятием [2], основные постулаты современных теорий категоризации [3, 4], а также научный аппарат, разработанный в русле фоносемантики — интегративной дисциплины, имеющей своим предметом звукообразовательную систему языка [5].

В традиционной терминологии лексемы, обозначающие различные звуки, называются *о н о м а т о п а м и*, например: *скрипеть, мяукать, жужжать, квакать* и т.д. Однако этот термин является достаточно многозначным, поэтому имеет смысл уточнить, что именно понимается под ономотопом в данной работе. Мы придаем этому термину достаточно узкое значение и употребляем его для обозначения (названия) определенного голоса птицы в языке. Таким образом, на первый план нами выдвигается номинативная, а не имитационная функция ономотопа.

Отправной точкой исследования послужили полученные методом сплошной выборки из словарей [10] и [11] английские и литовские лексемы, обозначающие голоса птиц. Основным параметр семантической характеристики *о н о м а т о п а* — возможность его соотнесения с определенным "источником звука" (птицей). Для более полной характеристики *о н о м а т о п а* рас-

считается также возможность его соотнесения с определенным звукоподражательным сигнификатом. Под последним мы понимаем признак звучания, избранный в данном языке за основу номинации.

Исходя из чисто абстрактной классификации, можно описать класс звуков (в нашем случае — голосов птиц) как одно звукообозначение, различающееся носителем-субъектом, т.е. как функцию субъекта, например: "каркать" = "звук" + "ворона". С другой стороны, возможно представление субъекта как функции звука: "ворона" = "птица" + "каркать"¹. Таким образом, либо класс описывается через его свойство (в нашем случае — представление онома톱ов как функций определенных птиц), либо отдельное свойство задает класс (в нашем случае — установление классов птиц как источников определенных звуков) см. [6, с. 252]).

Это идеальное взаимоотношение (источник звука — ономатоп) в языке представлено в высшей степени непоследовательно: во-первых, далеко не все голоса птиц имеют лексемы для их обозначения (ср. в русском языке: "голос вороны" = "каркать", "голос грача" = ?), во-вторых, для обозначения голосов некоторых птиц существует более одной лексемы [литов. (о курице) — *kadėti, klapnoti, kargėti, kvėkščioti*], в-третьих, различные ономатопы задают классы неравных объемов: англ. *cuckoo* "крик кукушки", *scream* "кричать" (о птицах вообще).

Перед началом анализа нам бы хотелось сказать о степени достоверности его результатов. Следует отметить, что подобные лексические системы представляют собой периферию языка и языковой картины мира. Мы имеем дело с нечеткими множествами, принципы структуризации которых довольно неопределенны. Что известно среднему носителю языка? Более или менее широкий круг узуальных соотнесений, например: "ворона каркает", "петух кукарекает" и т.д. (причем и этот круг соответствий, вероятно, несколько различается у разных носителей). В принципе в пропозициональных функциях "X каркает", "утка издает звук Y" переменные должны замещаться достаточно легко. По мере удаления от центра этой системы соотнесенность становится все более и более расплывчатой и нечеткой. Возможность соотнесения определенных онома톱ов с именами определенных птиц зависит, с одной стороны, от знаний говорящего о мире (какие крики издают те или иные птицы), а с другой — от особенностей его индивидуального звукопредставления. Крайними точками здесь будут ситуации, когда, с одной стороны, говорящий не знает, можно ли вообще употребить этот ономатоп по отношению к голосу птицы (например, *ворчать, бречать*), а с другой — какого рода в принципе звуки может издавать данная птица (например, *козодой, кроншнеп* и т.д.). Между этими крайними точками (узусом и полной неопределенностью) лежит особым образом структурированное поле соответствий: ономатоп—источник—сигнификат.

2

Особенностью данной системы является примарная (внеязыковая) мотивированность ее единиц, т.е. наличие необходимой, существенной, повторяющейся связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата (мотивом). Поэтому целесообразно обозначить хотя бы вкратце основные принципы формального строения ономатопов, чтобы потом посмотреть, каким образом это влияет на их когнитивные характеристики.

Формальное строение онома톱ов мы рассматриваем в двух аспектах: статическом и динамическом. К первому относится установление частотности тех или иных фонем в анализируемом фрагменте звукоподражательной системы, зако-

¹ Слова, заключенные в кавычки, следует рассматривать как единицы метаязыка.

номерностей их сочетаемости и их звукоподражательной функции (определение тех семантических групп ониматопов, в состав которых входят данные фонемы). Второй аспект состоит в описании особенностей формального варьирования ониматопов, пределов тождества слова самому себе, закономерностей нейтрализации фоносемантических оппозиций.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд общих выводов, касающихся основных принципов формального строения ониматопов.

1. Взаимоотношения между акустическими параметрами голосов птиц и их отражением посредством фонологической системы при всей своей сложности сводятся к следующему: звуковая действительность осуществляет отбор единиц фонологической системы, чтобы быть максимально отраженной, фонологическая система языка отражает то, что может быть наилучшим образом отражено. Из всего многообразия фонем и фонемных сочетаний звукоподражательная система отбирает те, которые обладают оптимальными характеристиками для отражения данной группы звучаний:

а) из сонорных максимално используются /t/, /l/, /w/, /ŋ/; англ. *cackle* (о курице), *howl* (о сове), *croak* (о вороне); литов. *čiuldėti* (о жаворонке), *burkuoti* (о голубе);

б) из модальных групп согласных (по способу образования) абсолютно преобладают смычные: англ. /f/, /z/ — только *whoof* (о сове), *whheeze* (о зуйке, кроншнепе), литов. /s/, /ʒ/ — только *suokti* (о соловье, сове), *čižti* (о воробье);

в) из системы гласных фонем также отбираются определенные типы.

2. В свою очередь специфика конкретной фонологической системы накладывает определенный отпечаток на принципы обозначения звучаний. Например, в силу особенностей своей фонологической системы литовский язык отображает звучащую действительность как более высокую и сонорную, чем английский (ср. литов. *čirpti*, *čiurlenti*, *čvirti*; англ. *chirp*, *chirk*, *chirm*); английский единообразно оформляет звукообозначение крика совы, выделяя его в специфическую модель **h(w) = u:ɜ/li-(cons)**: *whoo*, *whoop*, тогда как литовский передает тот же крик ониматопами, принадлежащими разным звукоподражательным моделям: *ūbauti*, *suokti*, *kvėkščioti*.

3. Являясь элементами трех систем: фонетической, фонологической и звукоизобразительной, — конститuentы ониматопов имеют достаточно сложную природу. Одна и та же материальная единица презентует соответственно звук, фонему, и фонемотип. Например, в английском ониматопе *saw* "крик ворона, грача" /k/ представляет собой звук, обладающий определенными акустико-артикуляторными характеристиками, фонему, занимающую определенное место в фонологической системе языка, и фонемотип, выполняющий определенную звукоизобразительную функцию.

Специального рассмотрения заслуживает понятие фонемотипа. В отличие от корневых морфем фонетически немотивированных слов корень ониматоп не является минимальной единицей плана содержания. Отражая сложные звучания, корневые морфемы ониматопов включают в себя фонемы, каждая из которых воспроизводит отдельный компонент акустического сигнала. Общий для группы фонем различительный признак, используемый для передачи того или иного параметра природных звучаний и характеризующий элемент значения, определяется как фонемотип. Фонемотип, таким образом, это своеобразный инвариант, в пределах которого допустимо варьирование фонем без изменения их звукоизобразительной функции. Одному фонемотипу в конкретном языке и конкретной лексеме могут соответствовать несколько различных реализаций: например, фонемотипу "взрывной" могут соответствовать /b/, /d/, /g/, /k/ и т.д.

Как уже отмечалось выше, конститuentы ониматопов имеют сложную

природу: они выступают в качестве звука, фонемы и фонемотипа. При этом единицы, тождественные в одном отношении, могут быть противопоставлены в других. Так, фонетически литовские и английские /b/, /d/, /g/ представляют собой сходные единицы, но их фонологическая природа различна: литовские /b/, /d/, /g/ — звонкие (маркированные), английские — ненапряженные (немаркированные). Это обуславливает разницу их звукоподражательных функций. Например, губной (диффузный низкий) /b/ в английском языке представлен только в пяти ономатопах: *bump*, *boom* [(о выпы) "греметь"], *gabble*, *gobble* [(о гусе, индюке) "болтать"], *warble* [(о птицах) "петь"]. В литовском он встречается гораздо чаще и его звукоподражательные функции иные: *baubti* [(о выпы) "реветь"], *bliurbėti*, *bukruoti*, *ūlbėti* [(о голубе, тетереве) "жужжать"], *ūbauti* [(о сове) "выть"], *ciulbėti*, *cirbėti* [(о жаворонке, воробье) "чирикать"].

В то же время /w/—/v/ занимают сходные места в фонологических системах сопоставляемых языков², но их фонетическая природа различна, что в свою очередь определяет разницу их звукоподражательных функций. В английских ономатопах /w/ представлен значительно шире, чем /v/ в литовских, и встречается в лексемах, относящихся к нескольким семантическим группам: *quack*, *quink* (о гусе, утке, вороне), *who*, *whoop*, *whoot*, *tu-who*, *tu-whit* (о сове), *wheep(le)* (о кроншнепе). Литовский /v/ входит в состав двух групп ономатопов: *kvagėti*, *kvėkšioti*, *kvarkti* (о вороне, утке, курице, гусе, сове), *čvirti*, *čirvėti*, *čilvėti* (о воробье, жаворонке). Возможна и ситуация, когда и фонетически, и фонологически различные единицы выполняют близкую звукоподражательную функцию, например: литовский смешанный дифтонг /ir/ и английский /ə:/ (*čirpti*—*chirp* "щебетать"). Однако и здесь различие двух других параметров обуславливает определенное различие поведения.

4. Большое количество фонем в составе ономатопа обладают более чем одной звукоподражательной функцией. Являясь полифункциональными единицами, фонемы вступают в различные фоносемантические оппозиции и могут презентировать разные фонемотипы. Например, в литовском языке /æ/ может выступать как презентант фонемотипа "высокий": *čežėti*, *čemsėti*, *čekti* (о воробье, жаворонке) (ср. *čižti*, *čimti*) или "компактный": *kerkti*, *kvegėti* (о вороне, курице, утке) (ср. *karkti*, *kvagsėti*).

5. Степень генерализации фонемотипа может быть самой различной: от "консонант" /p/, /t/, /s/ в ономатопах *whoop*, *whoot*, *whosh* (о сове), до "шумный смычный компактный нерезкий звонкий" /g/ в ономатопах *gaggle*, *gagėti* (о гусе). Таким образом, оппозиция, значимая в одном случае, в другом оказывается нейтрализованной. Обычно четким показателем значимости той или иной оппозиции оказывается паронимическое поле: чем выше степень индивидуальности фонемотипа, тем меньше у него паронимов³ [ср. литов. *gag(ėti)* vs **kak-* и в то же время *gargėti*, *kargėti*, *karkti*]. Следует иметь в виду, что в отличие от нейтрализации фонологических оппозиций нейтрализация фоносемантических гораздо более распылчата и индивидуальна.

6. Исследование пределов формального варьирования ономатопов показывает, что ономатопы представляют собой целые интегрированные комплексы, в которых элементы звукоподражательного значения представлены несколько раз (*čižti*, *gagėti*, *pyrčioti*, *cackle*, *peep*, *twit*). При этом роль окружения настолько

² /v/ литовский фонологической традицией трактуется как сонорный [7]

³ Паронимия — частичное совпадение двух фонетических слов, не сводимое к омонимии и совпадению самостоятельных частей этих слов, при таком совпадении значений, которое не может быть определено квалифицировано либо как синонимия, либо как вариативность [8, с. 35].

велика, что даже те изменения формальных элементов, которые предположительно должны значительно изменять семантику, никак не отражаются на ней [ср. англ. *tu-whoot* vs. *tu-whit* (о сове)]. В то же время однофункциональные элементы тяготеют к сочетанию друг с другом, и, например, в английских ономатопах /I:/ и /u:/ будут встречаться в различных окружениях: *peer*, *cheet*, *cheep* (о птенцах) vs. *cuckoo* (о кукушке), *whoop* (о сове). Возможно, этим объясняется относительно малое влияние варьирования фонемного облика слова на его семантику.

Таким образом, проведенный анализ заставляет предположить, что различные звучания соотносятся с их конкретными обозначениями в языке не непосредственно, а через систему звукоподражательных моделей⁴. Под моделью как инструментом исследования понимается определенный конструкт, в котором отражаются все общие для определенной группы ономатопов звукоизобразительно значимые компоненты [5, с. 47]. К основным звукоподражательным моделям относятся: 1) *K/G(Son):-v̆-(Son)K/G(Son)* — низкотональные диссонансы; 2) *t[(w)-v̆-cons.* — высокотональные диссонансы. Кроме этого, в каждом слове представлен ряд специфических звукоподражательных моделей.

Онтологические сущности, представляемые с помощью моделей, являются собой психофизиологическое восприятие того или иного звучания, опосредованное фонологической системой конкретного языка. Следовательно, их строение определяется, с одной стороны, общими закономерностями психофизиологического восприятия и отражения звучаний, а с другой — специфическими особенностями того или иного языка.

3

Описав основные принципы формального строения ономатопов, попытаемся теперь посмотреть, какими когнитивными характеристиками могут обладать столь специфические единицы языка.

Исследование голосов птиц как определенного фрагмента звукоподражательной системы показывает, что эти голоса представлены в языке неодинаково: крики одних птиц передаются значительным количеством ономатопов (англ. "крик гуся" — *cackle*, *creak*, *gaggle*, *gabble*, *gobble* и др.), других — одним-двумя (литов. "крик журавля" — *krikauti*), а голоса третьих вообще не находят отражения [англ. "петь" (о жаворонке); литов. "кричать" (о чайке)]. Языковые соответствия между именем источника звука (птицы) и ономатопом, обозначающим этот звук, представляются достаточно сложными, но тем не менее подчиненными определенным закономерностям.

1. Изучая соотношение между элементами звукоподражательной системы — ономатопом и источником звука, — мы вводим понятие в а л е н т н о с т и, под которой понимаем способность элемента одного плана соотноситься с элементами другого плана. По этому параметру все единицы делятся на две большие группы: поливалентные и моновалентные.

Проведенное исследование, как кажется, дает возможность объяснить, почему одни источники соотносятся с большим количеством ономатопов, а другие со значительно меньшим: обозначаются преимущественно голоса птиц, значимых для данного языкового коллектива; обладающие специфическими акустическими характеристиками (четко выделяющиеся из остальных звучаний); способные быть аппроксимированными фонологической системой данного языка. Близость

⁴ Вводя здесь термин "звукоподражательные модели", мы несколько опережаем события, так как полное его определение можно дать лишь после семантического анализа. Однако поскольку все дальнейшее изложение требует использования этого концепта, будет целесообразно предварительно определить его именно сейчас.

и различие этих параметров обуславливает близость и различие в строении соответствующих лексических систем в языке.

Большинство поливалентных источников (ворон, курица, гусь, голубь и др.) отвечают всем этим условиям: они достаточно значимы для носителей языка, их голоса достаточно специфичны и передаются ономатопами, относящимися к основным моделям, или по крайней мере могут быть хорошо аппроксимированы средствами фонологической системы языка.

Моновалентные источники могут включать два типа: те, которые имеют собственные звукоподражательные модели (их, кстати, большинство): англ. *rew* "крик коршуна", *jug* "пенье соловья"; и те, которые примыкают к базисным моделям: англ. *crake* "крик коростыля", *sawk* "крик гагары" и т.д. Во втором случае причина их моновалентности заключается в достаточной экзотичности данных птиц и минимальных знаниях об их голосах.

Возможно, именно это объясняет разную представленность голосов птиц в языках. Например, специфика фонологической системы английского языка способствует лучшей, чем в литовском, отраженности крика совы. В то же время, вероятно, значимость воробья в английской когнитивной системе выделяет его из всех недифференцированных высокотональных источников: *sparrow*, *twitters*.

2. Рассмотрев особенности валентности источников, обратимся теперь к проблеме определения валентности ономатопов. В данной работе мы позволим себе ограничиться лишь анализом поливалентных ономатопов, так как ограниченный объем не дает возможности описать весь материал в целом. Здесь нас интересует комбинаторика голосов: как именно в пределах одного ономатопа сочетаются голоса различных источников.

Учитывая всю условность подобного описания, тем не менее можно прийти к выводу, что все разнообразие возможных объединений сводится к трем типам:

— ономатопы, соотносимые с голосами птиц, издающих низкотональные звуки: англ. *cank* (о гусе, сороке, скворце), *saw* (о вороне, граче); литов. *karkti* (о курице, вороне), *krenkti* (о вороне, сороке);

— ономатопы, соотносимые с голосами птиц, издающих высокотональные звуки: англ. *cheer*, *peer*, *cheet*, *tweet*; литов. *čirikišti* (о воробье, куропатке), *čežėti* (о воробье, дрозде, жаворонке);

— прочие: англ. *whew(le)* (о кроншнепе, зуйке), *pewit* (о чайке, чибице); литов. *tītuoti* (о лебеде, уде), *suokti* (о соловье, сове).

Ономатопы первой модели достаточно хорошо представлены в обоих языках и объединяют голоса врановых, гуся, утки, курицы. Таким образом, с известной долей условности этих птиц в обоих языках можно считать основными источниками низкотональных звучаний: большинство низкотональных звучаний ассоциируется именно с их криками, и в то же время именно их крики наиболее четко соотносятся с низкотональными диссонансами. Интересно, что максимальные цепи, включающие шесть голосов в пределах одного ономатопа (литов. *kvėkščioti*, англ. *cackle*), относятся именно к этой модели. При этом данная комбинаторика достаточно ярко иллюстрирует известное положение Дж. Лакоффа о принципах объединения единиц в известные классы: мы можем объяснить, почему единицы группируются именно так, но не можем точно предсказать, как именно они будут объединены [3, с. 16]. Эта максимальная цепь в обоих языках включает следующие элементы: ворон, сорока, гусь, курица. К этому "ядру" в английском добавляются два врановых (галка, скворец), что в принципе ожидаемо, в литовском — утка, что также ожидаемо, более неожиданным представляется добавление совы.

Далее мы вступаем в сферу предположений и гипотез. Формальные аналоги высокотональной модели представлены и в английском, но, в отличие от литов-

ского, они соотносятся не с конкретными источниками, а с птицами вообще. Конечно, они могут быть употреблены и по отношению к конкретным птицам (например, к тем же, что и в литовском: жаворонку, дрозду, воробью и т.д.), но то, что словарная традиция [10], дифференцируя низкотональные звучания, высокие дает недифференцированно, представляется значимым. Литовский язык, вероятно, обладает лучшими возможностями для отражения высоких сонорных звучаний: в его фонологической системе больше собственно высоких элементов, правила его фонотактики допускают большую встречаемость сонорных, фонологическая оппозиция "глухой—звонкий" делает литовские согласные собственно "звонкими", артикуляционный базис литовского языка более передний [7]. Вполне возможно поэтому, что литовский язык более дифференцированно воспринимает и отражает высокие звучания по сравнению с английским.

Формальное объяснение валентности ониматопов представляет значительную трудность. Чаще всего большая валентность одних паронимов и меньшая других кажется чистой случайностью. Если безоговорочно верить словарным дефинициям, то формально очень близкие ониматопы попадают в разные разряды по валентности: литов. *kurkti* vs. *kiurkti* (об индюке) vs. (о курице, утке); англ. *cank* vs. *conk* (крик гуся) vs. (крик гуся, сороки, скворца), не говоря уже о случае *cronk* vs. *crank* (о вороне) vs. (о птицах вообще). Но в то же время в некоторых случаях моновалентность отражает его большую по сравнению с паронимами спецификацию.

Рассмотрим для примера противопоставление моно- и поливалентных ониматопов в составе двух поливалентных источников: курица, гусь.

	Моновалентные ониматопы	Поливалентные ониматопы
	К у р и ц а	
англ.	<i>clack, clock, cluck</i>	<i>keak, keckle, cackle, crow</i>
литов.	<i>kadėti, katėti, klapnoti</i>	<i>kai geti, karkti, kvėkščioti</i>
	Г у с ь	
англ.	<i>gabble, gaggle</i>	<i>cackle, creak, conk, cank</i>
литов.	<i>gagėti, kn gagoni</i>	<i>gargėti, kergėti, kirkiti</i>

Проведенное сопоставление демонстрирует, что моновалентные ониматопы обладают общей, им одним присущей характеристикой. Так, например, у ониматопов, обозначающих крик курицы, в английском языке таким маркером выступает кластер /kl/, в литовском — некомпактные смычные /p/, /t/, /d/.

3. Из возможности ониматопов соотноситься с несколькими источниками вытекает и возможность соотнесения источников между собой через ониматопы. Группировки ониматопов в пределах источников представляю. собой не классы (множества с четко очерченными границами), а поля, характеризующиеся достаточной степенью размытости. Голоса одних птиц классифицируются языком как более близкие, других — как более дальние. Это позволяет создать картины "интерференции голосов".

Рассмотрим более подробно несколько интерференционных картин и попытаемся закономерно установить основные закономерности интерференции:

1) Лебедь:

англ.: угод, чибис, снегирь¹ (*hoop*); литов. угод¹ (*tūtutoti*).

Примечания: а) во всех случаях под названиями птиц имеется в виду обозначение их голосов; б) цифры обозначают количество общих ониматопов, соотносимых с головами данных птиц и птицы, вынесенной в заголовок.

2) Коростель:

англ.: ворон, перепел¹ (*crake*); литов.: воробей, сорока¹ (*čerkšti*),

3) С о р о к а:

англ.:	скворец ⁵	гусь ⁴	курица ³ галка ворон	воробей ¹ ласточка
--------	----------------------	-------------------	---------------------------------------	----------------------------------

скворец: *cackle, keak, keckle, conk, chatter*

гусь: *cackle, keak, keckle, conk*

ворон: *cackle, keak, keckle*

галка: *cackle, keak, keckle*

курица: *cackle, keak, keckle*

воробей, *chatter*

ласточка:

литов.: ворон²
kren'ti
kvėkščioti

курица¹
утка
сова } *kvėkščioti*

коростель }
воробей } *čerškii*

4) В о р о н:

англ.	гусь ⁵	курица ⁴	скворец ³ сорока галка утка сорока ² гусь	грач ²	коростель ¹ перепел голубь
литов.:	курица ⁶	утка ³		сова ¹	

Примечание: в) из-за ограниченности объема работы перечисление онома톱ов опускается.

Рассмотрев основные возможности интерференции, можно сделать определенные выводы: во-первых, при соотнесении голосов птиц биологическая близость последних не играет никакой роли (кстати, это не настолько очевидно, как могло бы показаться на первый взгляд); во-вторых, картины интерференции голосов различаются по языкам. Различие может быть двоякое: по набору соотносимых источников и по степени их близости. В случае малой интерференции возможно полное несовпадение набора соотносимых источников (см. 2), в случае широкой интерференции — взаимодействие обоих параметров (см. 4).

Онома톱ы периферийных моделей образуют интерференционные картины за счет поливалентности онома톱а (см. 1). Для онома톱ов основных моделей к этому добавляется паронимическая интерференция. Например, голос ворона в английском языке воспринимается как более близкий голосу гуся, чем крикам утки или курицы. Достаточно сравнить их модели, чтобы понять, почему это именно так:

ворон **K(R/W)-ǃ-(ŋ)K(L)**
гусь **K/G(R/W)-ǃ-(ɔ)K/G(L)**
утка **KW-ǃ-K**
курица **K(L/R)-ǃ-K(L).**

В обоих языках отнесенность онома톱ов, обозначающих крик коростеля, к разным моделям обуславливает их различную интерференцию; обозначение голоса сороки онома톱ами двух основных моделей является причиной двойственного характера интерференции: при общем тяготении к интерференции с голосами низкотоновых источников (ворон, курица, гусь) голос сороки имеет соотнесенность и с высокотоновыми.

Разумеется, говоря об обусловленности интерференционных картин строением

соответствующих моделей, мы исходим из чисто методологических соображений (удобства описания). На самом деле картина представляется обратной: различное членение звучащей действительности (различие интерференционных картин) обуславливает различие моделей.

4. Значительная часть ономатопоов не ограничивается только номинацией голосов птиц, но входит в широкие поля обозначения звучания вообще. Ономатопо соотносится с акустическим сигналом через общий для них элемент звучания — сигнификат, т.е. признак звучания, избранный за основу номинации.

Здесь возможны два случая: сигнификативное значение целиком ограничивается обозначением голосов птиц (ср. в русском языке *кукарекать*, *крякать* и т.д.); сигнификативное значение ономатопоа соотносится с широким спектром звукопредставлений (ср. в русском *птенец пищит* — *мышь пищит*, *сорока трещит* — *доска трещит* и т.д.).

В настоящей работе мы ограничимся лишь рассмотрением базисных структур, т.е. отношением сигнификатов к исследуемому фрагменту звукоподражательной системы в целом.

Различные сигнификаты представлены в системе неравномерно: есть сигнификаты, объединяющие значительное количество ономатопоов ("гудеть": англ. *hoot*, *honk*, *pipe*, литов. *dudenti*, *tūtuoti* "квакать": англ. *croack*, *quack*, литов. *kvarkti*, *kurkti*), а есть представленные в системе весьма незначительно ("журчать": англ. *chatter*, литов. *čiuurlenti*). Кроме того, представленность сигнификатов различается по языкам: в английском отсутствуют сигнификаты "чавкать", "плакать", в литовском — "дрожать", "скрипеть" и т.д.

Таким образом, исследуемый фрагмент (участок) занимает определенное место в звукоподражательной системе в целом, и оно несколько различно в сравниваемых языках. Английские птицы "трещат", "дрожат", "скрипят", тогда как литовские больше "шелестят"; и те и другие много "пищат" и "квакают"; английские птицы больше "визжат", в то время как литовские предпочитают "жужжать"; и те и другие немного "журчат", "воют", "ревут" и "кашляют".

Кроме этого, интересно отметить и следующее: степень принадлежности ономатопоа описываемому участку звукоподражательной системы может быть весьма различной. От полного вхождения только в данную подсистему (англ. *cuckoo*, *saw*, *coo*, *pew*; литов. *čilbėti*, *čirkšti*, *katėti*) до весьма окказионального соотношения с ней. Так, англ. *clack*, *wheep*; литов. *bimti*, *birbti*, *čirpti* только при большом желании могут быть отнесены к птичьим голосам. В остальных случаях: литов. *čiepti*, *čiekti*, *čyраuti*; англ. *pipe*, *croack*, *gaggle* и т.д., — сфера соотношения колеблется в зависимости от очень многих причин: знания носителя языка о голосах птиц, индивидуальные звукопредставления и т.д.

4

Как следует из проведенного анализа, между звучащей действительностью и ее отражением в языке лежит система звукоподражательных моделей, которая опосредует восприятие и отображение звучаний. С нашей точки зрения, данные модели представляют собой те общие когнитивные понятия (представления) о звучании и его характеристике, с которыми непосредственно соотносятся значения звукоподражательных слов. Формальный облик слова служит своеобразным сигналом о принадлежности единицы той или иной модели, не реализуя всей суммы знаний, представлений и ассоциаций, связанных с данным когнитивным понятием. Эта связь, обычно не актуализированная, может при необходимости актуализироваться. Примером этого служит произнесение в эмфатической речи в английских ономатопах *chirm*, *chirp*, *chirk* /ə:/ вместо /ə:/ [9].

Сама система ономатопоов представляет собой нечеткое множество, характеризующееся высокой степенью расплывчатости соотнесения ономатопоов с источниками и сигнификатами. Существует, с одной стороны, система формальных моделей, с другой — набор птиц, о чьих голосах вообще имеется представление. В обоих языках в этой системе центральное место занимают две модели: K/G(Son)-ŷ-(Son)K/G(Son) (низкотоональные диссонансы) и t(w)-ŷ-cons. (высокотоональные диссонансы). Представляющие эти модели ономатопоы формально неоднородны и обладают различной семантической соотнесенностью. Источники (птицы), чьи голоса обозначаются этими ономатопоами, иерархизуются в зависимости от значимости птицы. Возможна какая-то предпочтительная соотнесенность между формальными показателями и определенными источниками, например: /kl/ в английских ономатопоах, обозначающих крик курицы, или /t/, /d/ в той же группе ономатопоов в литовском. Однако во многом эта соотнесенность определяется еще и другими факторами. Поскольку модели допускают различную фонемную презентацию, всегда имеется некоторый избыток формальных средств для обозначения голосов более или менее значимых источников. Но соотнесенность между ономатопоами и источником в достаточной степени нежесткая, что обуславливает различную встречаемость паронимов в пределах одной модели. В свою очередь это является причиной соотнесения паронимичных ономатопоов с несколькими различными источниками, а также разницы в валентности ономатопоов (за исключением тех случаев, когда это различие формально обусловлено).

Система представляет собой динамичное, но достаточно устойчивое образование, в котором постоянно поддерживается баланс между формой единиц и их семантикой. Очень ярко это можно наблюдать на примере диахронического развития некоторых английских ономатопоов. Так, из системы устраняется ономатопо *creak* (крик ворона, грача) с изменением его формального облика (/ε/ → /i:/) и заменяется ономатопоом *croak*. Двойственность ономатопоа *crook* (крик ворона, голубя): пересечение двух моделей K/G(Son)-ŷ-(Son)K/G(Son) и K(R)-u:-(K/D)(L) обуславливает его неустойчивость в системе и в конечном счете приводит к его исчезновению и экспликации обоих формально-семантических различий: *croak* "крик ворона", *crood* "воркование голубя".

Кроме ономатопоов, соотносимых с конкретными источниками, существуют ономатопоы, соотносимые с птицами вообще. В принципе значение любого ономатопоа исследуемого фрагмента системы представляет собой обозначение нечеткого множества соотносимых с ним голосов источников (птиц), где, с одной стороны, пределом является обозначение голоса какой-то одной птицы, а с другой — голоса птицы вообще. Поливалентные ономатопоы можно рассматривать как промежуточные члены этого множества. Вероятно, в значении общевалентных ономатопоов конкретная соотнесенность стремится к нулю и ономатопо начинает соотноситься со звучанием голоса птицы вообще, игнорируя конкретный источник. Возможно, что несмотря на это, у ономатопоов такого рода иногда есть "персонификатор" — птица (группа птиц), с которой данный ономатопо может быть соотнесен скорее всего.

Все общевалентные ономатопоы обобщенно сводятся к трем источникам: птенцы, мелкие птицы, "низкотоональные" птицы. Таким образом, для данной группы ономатопоов не существует гиперонима в собственном смысле слова, соотносимого недифференцированно с голосом птицы вообще. "Квазигиперонимы" (например, англ. *scream*, литов. *lalėti*) все же преимущественно сочетаются с определенной группой голосов птиц (ср. в русском языке некоторую аномальность сочетаний типа *крик жаворонка* или *песня ворона*).

Данная система функционирует в рамках более широкой системы звукообозначений в целом. При этом ее место в этой системе различно для разных

языков и разных групп ономастов. Взаимоотношение этих систем во времени также не остается неизменным. Предполагается, что в более ранние периоды существования языка доля обозначений собственно естественных звучаний живой и неживой природы (в том числе и голосов птиц) была значительно выше, чем теперь. Литовский язык, имея большее количество ономастов, соотносимых непосредственно со звучаниями птиц, возможно, отражает эту более архаичную стадию развития звукоподражательной системы. Динамика развития английских ономастов показывает, что многие из них утрачивают свое первоначальное звукоподражательное значение (*creak*), изменяют его под влиянием новых значений (исключение высокотональных источников из значения ономаста *chatter* под влиянием значения "болтать") или приобретают новую структуру значения [*bump* (о выпы) + "звук насоса"]. Это свидетельствует о том, что звукоподражательная система в целом динамична и, развиваясь, перестраивается и переструктурируется. Звучащий мир вокруг человека изменяется, и вместе с ним изменяется строение звукоподражательной системы, сдвигаясь в сторону обозначения звучаний человека и артефактов. Естественно, звукономинация других источников смещается на периферию.

Лексикографическая традиция так или иначе отражает особенности данного фрагмента звукоподражательной системы. В свете всего вышесказанного можно объяснить достаточную непоследовательность словарных статей в определении значения звукоподражательного слова: иногда определяется акустическая характеристика звучания, иногда — соотнесение с определенным источником. Таким образом, словарная традиция представляет значение ономаста именно в том диффузном, неопределенном виде, в каком оно и существует в языке.

Как мы уже отмечали выше, носитель языка знает лишь незначительную часть этой системы в целом, ограниченную звукообозначением ее центральных членов. Поскольку общее название для обозначения голоса птиц вообще в языке отсутствует и все ономасты обладают большей или меньшей степенью дифференцированности, то процесс обозначения неизвестного крика птицы строится на основе поиска в системе моделей ближайшего ономаста, обладающего сходными характеристиками.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что анализ подобных систем позволяет сформулировать ряд интересных особенностей, касающихся общих законов взаимоотношения языка, мышления и действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серебренников Б А и др Роль человеческого фактора в языке // Язык и картина мира. М., 1988.
2. Гудавичюс А Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.
3. Лакофф Дж Мышление в зеркале классификаторов / Новое в лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
4. Филлмор Ч Фреймы и семантика понимания // Новое в лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
5. Воронин С В Основы фоносемантики. Л., 1982.
6. Степанов Ю С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981.
7. Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
8. Степанов Ю С Основы общего языкознания. М., 1975.
9. Воронин С В Некоторые замечания о звуке /r/ в английских ономастах // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 1. Л., 1967.
10. The Oxford English dictionary. V. 1—12. Oxford, 1961.
11. Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1968.